

И. Скворцов

Ошибочность пессимистического
воззрения на жизнь и вредные
последствия его

Опубликовано:
Христианское чтение. 1880. № 1-2. С. 77-85.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Ошибочность пессимистическаго воззрѣнія на жизнь и вредныя послѣдствія его.

Высказывается мнѣніе, что *материализмъ*, вслѣдствіе крайне вредныхъ проявленій его въ сферѣ практической жизни, чему такъ много способствовали злощастные герои социализма, отживаетъ свои дни, не смотря на послѣднія вспышки его, онъ видимо теряетъ уже силу и вліаніе, равномѣрно съ тѣмъ проходитъ уже и пренебреженіе къ идеалистической философіи вообще, — послѣдняя воскресаетъ вновь. Безъ сомнѣнія, утѣшительно то и другое; \но не нужно упускать изъ виду и того, что выступающій на смѣну материализма *идеализмъ* иногда вдается въ своего рода крайности, и притомъ не менѣе опасныя, чѣмъ крайности его предшественника.) Мы разумѣемъ умозрѣнія знаменитаго „философа новѣйшаго времени“ Гартмана, который считается однимъ изъ представителей своеобразнаго идеализма, извѣстнаго подъ именемъ пессимизма.

Опасны выводы материализма по отношенію къ нравственной жизни человѣка, но было бы несправедливо считать пессимизмъ Гартмана хотя бы только равнымъ въ этомъ отношеніи съ материализмомъ. У Гартмана есть еще болѣе опасныя по своимъ слѣдствіямъ умозрѣнія, которыя онъ извлекаетъ якобы „изъ наблюденій надъ фактами дѣйствительной жизни“. Эти воззрѣнія, гармонируя отчасти съ духомъ времени, создали философу-пессимисту значительную популярность въ средѣ даже такихъ людей, которые не заботятся о знаніи основъ его міровоззрѣнія.

Между тѣмъ въ основѣ этого міровоззрѣнія лежитъ капитальная ошибка. Дѣло въ томъ, что конечною цѣлью настоящей чело-

вѣческой жизни Гартманъ считаетъ счастье, понимаемое имъ въ смыслѣ наслажденія. Но полное наслажденіе человѣку найти въ мірѣ невозможно; абсолютное счастье недостижимо для насъ въ условіяхъ настоящей жизни. Относительное же счастье, возможное для человѣка, покупается только цѣною предшествующаго страданія; оно результатъ освобожденія отъ послѣдняго. Мало того, удовлетвореніе всѣхъ желаній человѣка, если бы это было возможно, должно было бы породить также своего рода страданіе,—апатію и пустоту въ сердцѣ. Уже одно это показываетъ, что цѣлью настоящей нашей жизни нельзя считать то, для достиженія чего намъ отказано въ средствахъ. Цѣль жизни—не *имѣть* ея, тѣмъ больше не въ томъ, что не можеть быть достигнуто,—а въ ней самой.

Жизнь—это процессъ непрестанной, непрекращающейся, безпрерывной и непрерывно расширяющейся дѣятельности. Понимаемая иначе она теряетъ всякій смыслъ и значеніе. Это будетъ только прозябаніе, продолжающееся *существованіе*, но не жизнь въ истинномъ смыслѣ этого слова. Все живое существуетъ для жизни, понимаемой въ смыслѣ непрерывной, постоянно продолжающейся *дѣятельности*. Послѣдняя же, разумѣется, возможна только въ предѣлахъ тѣхъ силъ, какія чувствуетъ въ себѣ тотъ или другой индивидуумъ. Человѣкъ сообразно свойствамъ и силамъ своей духовной природы проявляетъ себя преимущественно въ сознательной дѣятельности, но нуждается также и въ дѣятельности физической, вслѣдствіе соединенія въ немъ духовной природы съ тѣлесною. Что бездѣятельность порождаетъ недовольство жизнью, мрачную скуку и апатію ко всему и нерѣдко заживо сводитъ въ могилу бездѣятельнаго человѣка, или же заставляетъ его въ погонѣ за неуловимымъ призракомъ наслажденія унижаться до вздорныхъ прихотей и вапризовъ, до полуживотной жизни—это фактъ общезвѣстный. (Но мы однако же ошиблись бы, думая, что одна дѣятельность, только какъ дѣятельность, составляетъ конечную цѣль человѣческой жизни. Жизнь разумнаго существа немислима безъ *идеала*, дающаго ей норму и направленіе. Напрасно стали бы мы искать предѣла развитію духовныхъ силъ человѣка: онъ не старѣются вмѣстѣ съ тѣломъ, самая смерть не уничтожаетъ *возмож-*

ности ихъ дальнѣйшаго развитія. Человѣкъ не можетъ остановиться на сдѣланныхъ его духомъ приобрѣтеніяхъ, но стремится все далѣе и далѣе. Это показываетъ, что идеаль жизни человѣка— *безпредѣльное развитіе силъ его души*; оно же должно быть признано и главною цѣлюю человѣческой жизни. Въ немъ заключается главнѣйшій источникъ человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ блага и *счастія*. Это не то благо и счастье, которое разумѣетъ Гартманъ. Человѣкъ можетъ быть счастливъ, *не наслаждаясь*, какъ счастливы всѣ тѣ люди, которые отдали всю свою жизнь увлечшему ихъ дѣлу, хотя бы оно доставляло имъ больше удовольствій, чѣмъ наслажденія, которые беззавѣтно жертвуютъ даже самою жизнію ради торжества того дѣла, съ которымъ они сроднились душею. Этотъ высокій актъ самоотверженія служитъ лишь наиболѣе выразительнымъ проявленіемъ истиннаго понятія объ истинной, нестарѣющей и непрекращающейся жизни, и не имѣетъ ничего общаго съ болѣзненнымъ стремленіемъ къ небытію, которое Гартманъ находитъ съ своей точки зрѣнія счастливѣе всякаго бытія. Тамъ человѣкъ, закрывая глаза, бросается съ нѣмымъ отчаяніемъ въ пропасть, чувствуя, что жизнь его пуста, что она бесплодна и безцѣльна; здѣсь онъ сознательно глядитъ въ *будущее*, онъ не возмущается до отчаянія страданіями настоящей жизни, потому что онъ и не ищетъ отъ нея однихъ наслажденій...

При такомъ взглядѣ на жизнь тѣ страданія и наслажденія, какихъ не мало разсѣяно въ жизни и изслѣдованію которыхъ Гартманъ посвящаетъ не мало трудовъ и стараній, оказываются уже *побочными*, несущественными явленіями. Эти наслажденія, какъ бы много ихъ ни было сгруппировано въ чьей нибудь жизни, не даютъ еще счастья: видимъ же мы людей, вся жизнь которыхъ проходитъ въ безпрерывной смѣнѣ наслажденій и которые всетаки далеки отъ счастья, отъ довольства своимъ состояніемъ. Ошибочно было бы слѣдовательно въ бесплодной погонѣ за ними искать осуществленія истинной цѣли человѣческаго существованія, или же приходить въ пессимистическое отчаяніе отъ неосуществимости этого фиктивного счастья. Счастье, наслажденіе, въ какой бы формѣ ни его ни представляли, — является такимъ образомъ лишь призракомъ

того счастья, къ которому дѣйствительно стремится и долженъ стремиться человекъ. Истинное счастье—это идеалъ ничѣмъ невозмутимаго, безконечнаго *блаженства* при всестороннемъ развитіи силъ душевныхъ,—блаженства, которое бы не унижало, но возвышало человѣческое *достоинство*. Въ настоящей жизни приходится видѣть лишь тѣнь этого счастья, полное приближеніе къ нему невозможно въ предѣлахъ земнаго существованія человекъ. Но это не можетъ, не должно и дѣйствительно не убиваетъ въ душѣ его стремленій въ поискахъ за неосуществимымъ здѣсь идеаломъ. Не безцѣльно же въ самомъ дѣлѣ существуютъ въ его душѣ задатки безконечнаго усовершенствованія, не могутъ же быть бесплодными его стремленія къ достиженію идеала совершеннаго человекъ,—стремленія, составляющія самую сущность души... Оттого сознанію человекъ представляеть, въ умѣ его является неотразимая увѣренность въ существованіи иного міра, гдѣ восполнится недостающее, недостигнутое здѣсь. Въ этомъ почерпаетъ онъ вѣру, что не погибнетъ его *личность* вмѣстѣ съ прекращеніемъ жизни, но что въ новой невѣдомой, но *предчувствуемой* имъ сферѣ всесторонне и безпрепятственно разовьются его силы.

Эта идея, идея существованія иного лучшаго міра, ярко свѣтитъ человекъ и въ самые мрачные безотрадныя моменты его жизни; въ ней находитъ онъ поддержку и утѣшеніе на тяжеломъ жизненномъ пути. Изгнать ее изъ души все равно и такъ же невозможно, какъ изгнать солнце изъ міра. Можно конечно, закрывая глаза, не видѣть послѣдняго, но и сквозь опущенныя рѣсеницы пробиваются лучи его, давая тѣмъ знать о существованіи своего источника и не позволяя даже и намѣреннаго его отрицанія; послѣднее было бы уже слишкомъ странно. Такою же, если не большею, странностію представляется и отрицаніе безсмертія души. Какъ и идею свободы воли, идею безсмертія никогда нельзя изгнать изъ сознанія. Отрицая ее, человекъ становится въ противорѣчіе самъ съ собою, со всѣмъ внутреннимъ содержаніемъ своей души. И если Гартманъ считаетъ эту идею иллюзіей, то безъ твердыхъ и достаточныхъ *внутреннихъ* основаній для того; не сталъ же онъ выше этой мнимой иллюзіи...

Какъ бы то ни было, но Гартманъ, согласно основамъ своего пантеистическаго міровоззрѣнія, не раздѣляетъ и вѣры въ *личное* безсмертіе души (которое только и можетъ назваться безсмертіемъ въ собственномъ смыслѣ), но считаетъ ее лишь иллюзію, въ первый разъ будто бы занесенною на землю христіанствомъ. Онъ не вѣритъ и въ будущее улучшеніе, въ прогрессъ въ жизни человѣчества, не признавая ничего хорошаго ни въ его прошломъ, ни въ настоящемъ состояніи. Естественно онъ приходитъ къ выводу, что небытіе міра предпочтительнѣе его бытія, что наступитъ время, когда и все человѣчество, сознавъ тщету бытія, подавитъ въ себѣ все желанія, откажется отъ самаго желанія жить, окончитъ самоубійствомъ свое печальное существованіе, вкуситъ *безмятежный покой* небытія—высшее счастье, на какое только оно можетъ надѣяться, вкуситъ наслажденіе самоуничтоженія. На этомъ кончится и міровой процессъ: съ уничтоженіемъ человѣчества рухнетъ и міръ.

Эти фантастическія умозрѣнія и излишняя поспѣшность его выводовъ не опасны для лицъ съ серьезнымъ и трезвымъ взглядомъ на жизнь. Только въ человѣкѣ *бездѣля*, умственной и нравственной косности, чей умъ не прозрѣвалъ выше интересовъ будничной тривиальной дѣйствительности, кто намѣренно или ненамѣренно стремится потушить въ душѣ своей никогда не оставляющее ея стремленіе къ совершенству, идеи Гартмана найдутъ себѣ благодарную воспріимчивую почву. И не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать невообразимо печальныя послѣдствія, если его умозрѣнія, воспріятыя во всей цѣлости и послѣдовательности, попытается осуществить въ своей жизни—не говоримъ—все человѣчество (эти мечтанія Гартмана неисполнимы), но хотя самая малая часть его. Не трудно представить себѣ душевное состояніе поклонниковъ этого ново-европейскаго буддизма. Сознаніе того, что горе-злосчастіе, какъ Дамокловъ мечъ, виситъ надъ бѣднымъ человѣчествомъ, что сколько бы оно ни старалось, нигуда не уйти ему отъ этого страшнаго врага, чувство „міровой“ скорби и горькаго сознанія неотвратимости бѣдствій собственнаго, безцѣльнаго и бесплоднаго существованія леденящимъ холодомъ

охватить душу; мрачный взгляд на жизнь отравить и тѣ немногія и кратковременныя радости, которыя, по взгляду Гартмана, иногда достаются бѣдному человѣчеству: человѣкъ едѣлается психически неспособнымъ воспринимать ихъ. Холодный байропизмъ минувшихъ временъ, мрачная мизантропія, примѣры которой встрѣчаются не въ однихъ образахъ созданныхъ фантазією поэтовъ, но и въ дѣйствительности,— это только слабыя подобія того душевнаго состоянія, которое должно быть удѣломъ всякаго, въ чьемъ сердцѣ будутъ всецѣло властвовать идеи пессимизма. ; Все это подавляющимъ образомъ отзовется на *дѣятельности* человѣка. Тутъ, разумѣется, уже и рѣчи не можетъ быть о правдивой дѣятельности, и всякаго рода дѣятельность должна быть чуждою человѣку. Мѣсто ея заступитъ полная апатія и презрѣніе ко всему. Или же взамѣнъ того горькое, щемящее сердце, отчаяніе посвятитъ пессимиста; въ упорномъ стремленіи отыскать себѣ радости и наслажденія, поирая всѣ законы божескіе и человѣческіе, онъ будетъ стараться достигнуть этой единственной, по его мнѣнію, цѣли въ жизни, или же самовольно разстанется съ нею, когда всѣ усилія его на этомъ пути не приведутъ ни къ чему... Что бы ни говорили, въ человѣкѣ никогда не умираетъ стремленіе *жить* въ полномъ значеніи этого слова, и только тогда, когда отнимутся у него всѣ опоры для жизни, когда она покажется ему „пустою и глухою шуткой“ (шуткой какогонибудь „Бессознательнаго“ или „царствующей въ мірѣ необходимости“, какъ говорятъ матеріалисты), онъ болѣзненно порывается къ небытію, страстно желая уснуть вѣчнымъ сномъ безъ сновидѣній, въ вѣчномъ холодѣ могилы забыть о дразгахъ и тревоженіяхъ жизни...

И Гартмана страшатъ эти печальныя результаты его печальныхъ умозрѣній; онъ старается отклонить ихъ, пуская въ ходъ (если не намѣренно, то такъ сказать по инстинктивному чувству самосохраненія) тотъ же самый маневръ, который употребляли уже не разъ творцы самыхъ фантастическихъ теорій въ области естествознанія, предрекавшіе гибель землѣ отъ новаго потопа или столкновенія ея съ другою планетою чрезъ нѣсколько *сотъ тысячъ лѣтъ*. Какъ и она, исполненіе своей теоріи коллективнаго

самоубійства Гартманъ отодвигаетъ въ глубь отдаленнѣйшихъ временъ, когда „сознаніе“ въ челоѣчествѣ разовьется до послѣдней степени совершенства и эта идея получить право гражданства въ умахъ всѣхъ. Считая въ силу этого бесполезнымъ индивидуальное отрицаніе жизни, онъ видитъ здѣсь гарантію противъ подобнаго рода явленій. Но его идеи по этому поводу, созрѣвшія въ тиши кабинета, едва ли пригодны даже и для подобныхъ ему кабинетныхъ мыслителей, а тѣмъ болѣе для простыхъ смертныхъ, „не плавающихъ (по его выраженію) въ эфирѣ чистой мысли“. Если идеи и могутъ иной разъ мирно уживаться въ головѣ, то вещи — по выраженію Шиллера — всегда тяжело стелкиваются въ жизни.

Не полагая и не имѣя въ душѣ челоѣка основъ для своего ученія, странно возлагать надежду на одни теоретическія соображенія, — думать, что они могутъ до поры до времени удержатъ челоѣчество на пути къ самоуничтоженію, такъ естественно вытекающему изъ положеній Гартмана. Говорить подобное значить не знать и не видѣть, что челоѣкъ всегда живетъ своимъ я, никогда не можетъ отказаться отъ своей личности, принести ее въ жертву какому-то безличному „Безсознательному“ началу всего сущаго, въ первый разъ открываемому Гартманомъ. — „Этимъ замедлится развитіе сознанія“, увѣряетъ Гартманъ. Что-же изъ того? — вправѣ сказать всякій; эта медленность развитія сознанія предоставляется на долю тѣхъ, которые сравнительно мало страдаютъ въ жизни, что-же мнѣ до того? развѣ отъ того уменьшаются мои страданія? вѣдь придется же умирать рано или поздно, — зачѣмъ же я, имѣя возможность теперь же вкусить „безмятежный покой небытія“, стану страдать еще неопредѣленное время ради какихъ-то призрачныхъ члѣнъ? какое мнѣ дѣло до будущихъ поколѣній, развѣ тогда я опять появлюсь?“ — Но послѣднѣя, согласно воззрѣніямъ Гартмана, жидать нельзя: по смерти индивидуума прекратится и сознаніе имъ своего бытія и своихъ страданій, отъ него и слѣда не останется, онъ разольется какъ дымъ въ воздухъ, погрузившись въ безсознательную міровую сущность... Очевидно, Гартманова отсрочка самоубійства не имѣетъ цѣны и значенія и его надежды на челоѣ-

вѣщество въ данномъ случаѣ являются, можно сказать его же словами, лишь иллюзією.

2) Это тѣмъ болѣе удивительно, что и самъ Гартманъ не считаетъ невозможнымъ новое возникновеніе изъ нѣдръ „Бессознательнаго“ (согласно стремленію неразумной воли) новаго міра, въ которомъ опять потянется старая исторія стоновъ и скорбей человечества до новаго конца и т. д. Неужели же можно думать, что представленіе объ этой бессмысленной сизифовой работѣ человечества способно удержать отдѣльную личность отъ заманчиваго покушенія поскорѣе обратиться въ ничто?!

3) Наконецъ нужно замѣтить и то, что согласно съ воззрѣніями Гартмана самоубійство само по себѣ не можетъ считаться предосудительнымъ, лишь бы только оно не часто повторялось; Гартманъ видитъ въ немъ напротивъ высокой примѣры, напоминающей человѣку: *emento mori*... Кому же, спрашивается, дана будетъ эта привилегія раньше другихъ вкушать сладость небытія? Вѣроятно—тому, кто почувствуетъ себя болѣе способнымъ къ этому шагу, т. е. всякому истинному послѣдователю Гартмана.

4) Въ силу этого мы вправѣ смотрѣть на воззрѣнія Гартмана только какъ на плохо скрываемую апологію частнаго самоубійства, возведенную фантастическимъ предположеніемъ коллективнаго самоубійства до апофеоза. Къ этому прибавлять, разумѣется, нечего. Это уже не материализмъ въ самомъ непримѣдномъ значеніи этого слова, но нечто несравненно худшее...

5) Тѣмъ не менѣе печальные выводы изъ недавно появившейся на Божій свѣтъ теоріи Гартмана успѣли уже нагляднымъ образомъ выразиться въ жизни. Уже являются на родинѣ теоріи факты, очень ясно доказывающіе это ¹⁾. Все написанное о жизни и

¹⁾ Среди другихъ особенно характеренъ слѣдующій недавній случай. Въ Берлинѣ одинъ литографъ разбилъ желѣзной полосой голову своему товарищу по профессіи «изъ дружбы», какъ онъ выразился при допросѣ. На судѣ онъ далъ откровенное признаніе и сообщилъ мотивы своего поступка. На вопросъ: не чувствуетъ ли онъ раскаянія, — Блюмель (подсудимый) отвѣчалъ: нисколько, я согласенъ съ ученіемъ философа Гартмана, что жизнь есть ничего нестоющая вещь и что мой другъ долженъ быть благодаренъ, что я удалилъ его изъ этой «юдоли слезъ». И для себя Блюмель не желалъ лучшаго жребія (Моск. Вѣд.

Для жизни легко прививается къ послѣдней. Не всѣ умѣютъ подобно самимъ творцамъ новоизмышленныхъ теорій нравственности хитроумно отдѣлять область теоріи отъ практической жизни и, питаясь ради упражненія философствующей мысли самыми противоположными и противонаправленными умозрѣніями, оставаться чуждыми стремленій переводить ихъ въ дѣло, облекать въ осязательныя формы...

Можно поэтомъ, признать до извѣстной степени справедливыми опасенія, что эта смѣлая и грандіозная апологія самоубійства явилась во-время и приходится по сердцу многимъ. Она—плодъ тяжелаго недовольства жизнью, все чаще и чаще замѣчаемаго среди современнаго человѣчества, падающаго „подъ бременемъ сомнѣнья“. Она—только болѣе сильное (хотя одностороннее) и яркое воплощеніе и развитіе идей, вѣяніе которыхъ чувствуется въ воздухѣ, которыми незримо, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно (особенно на Западѣ) проникнута жизнь частная и общественная, которыя даютъ себя чувствовать во множествѣ печальныхъ явленій...

Ив. Скворцовъ.

1876, № 16).—Итакъ съ легкой руки автора «саморазложенія христіанства» являются уже своеобразныя проповѣдники новой религіи, гдѣ убійство считается главною добродѣтью, а самоубійство—основнымъ догматомъ! Конечно это «недозрѣлый плодъ недолгой науки» у философа новѣйшихъ временъ (впрочемъ «зрѣлыхъ» онъ едва ли и дождется, не смотря на всю свою популярность), тѣмъ не менѣе это указываетъ на направленіе, къ которому должна склоняться жизнь частная и общественная подъ вліяніемъ идей Гартмана.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки